

Мудрый познает жизнь не выходя со своего двора,
а дуракам надо путешествовать.

Старая китайская пословица

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр, как на смерть осужденный,
Своей рукой — пишу...
Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру...
Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей...

*Марина Цветаева,
август 1919*

История домов, по счастью, длиннее человеческой жизни. А иногда длиннее жизни и десятков людей. Удивительно ведь! И кого из нас не поражала эта наследственная цепочка, родовая пуповина, связывающая историю и современность, этот фантастический геном старых зданий, сохранивший для нас чувства, вкусы, людские привычки и манеры, да и не всю ли ту атмосферу, воздух минувших веков Москвы?

«Здесь всё меня переживет, — написала когда-то в стихах Анна Ахматова и добавила: — Всё, даже ветхие скворешни...»

Скворешни!.. Что же тогда говорить о зданиях, с детства теснящихся вокруг нас, сопровождающих нас от рождения до смерти, дающих нам кров, тепло очага, уют, любовь — может, единственную нематериальную ценность мира?

Знаете ли вы, что в Москве есть двери, ведущие с улицы на широкую парадную лестницу, куда входила, считайте, вся русская литература за последние четыре века? Дом,

пусть и перестроенный ныне, но где жил в 1760-е гг. поэт и драматург — и, кстати, директор Московского университета — Михаил Херасков, где бывали, подумать только, Сумароков и Фонвизин, где потом танцевали на великосветских балах и «машкерадах» Пушкин и Грибоедов, где через поколение, в 1880-е гг., в редакции юмористического журнала «Зритель», умирали от смеха и анекдотов три брата Антон, Александр и Николай Чеховы, которые сотрудничали в издании, где позже, уже в 1913 г., юный Есенин в служебной комнатке дома впервые попытался покончить жизнь самоубийством и где потом — уже в хорошо знакомом нам «Новом мире» — бывали до середины 1960-х гг. не просто все значимые поэты и писатели той эпохи, но аж три нобелевских лауреата по литературе: Пастернак, Шолохов и Солженицын?.. И это — в одном только доме...

Ныне домов в Первопрестольной, переживших века, десятки, сотни из известных мне восьми тысяч адресов гениев, талантов и просто чернорабочих русской словесности.

Мы все еще буквально путешествуем, листая «каменную летопись» великой русской литературы, слышим голоса мудрецов, участвуем в их спорах, переживаем за них в бытовых неурядицах и как бы становимся невольными соучастниками, соглядатаями событий, послуживших поводом и первопричиной их творческих взлётов.

Та же Цветаева еще в 1913 г., как бы хватаясь за улетающий в никуда день, вдруг ахнет: «Не презирайте "внешнего"! — пишет. — Цвет ваших глаз так же важен, как их выражение; обивка дивана — не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего неважного! Говорите о своей комнате: высока она или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы?..» А до нее великий Боратынский, чей дом, к счастью, сохранился, неожиданно, но с тайной надеждой на нас, потомков, признается: «Мой дар убог, и голос мой не громок, // Но я живу, и на земле моё // Кому-нибудь любезно бытие: // Его найдет далекий мой потомок... // И как нашел я друга в поколенья, // Читателя найду в потомстве я...»

Чудеса прогулок, радость открытий, неожиданных встреч с тем, чего уже нет, со звуками, красками, запахами старой Москвы. Увидеть на нынешней Пресне, как молодой еще Пушкин, верхом на гарцующей лошади, не раз и не два, а целых три года подъезжал к усадьбе статского советника Ушакова ради старшей его дочери Кати, к которой сватался

и которой именно здесь подарит браслет, ставший потом «тайной» для литературоведов. Ведь про этот утраченный ныне дом он напишет ей потом: «...на память поневоле // Придет вам тот, кто вас певал, // В те дни, как Пресненское поле // Еще забор не заграждал...» Или — прикоснуться к тёплой стене еще сохранившегося дома в Ермолаевском переулке, где тот же Пушкин ровно двести лет назад оказался невольным соперником в любви к дочери сенатора и князя Урусова, красавицы Софьи, аж с самим императором Николаем I, бывавшим здесь, и где поэта, из-за нее же, вызовет на дуэль другой поэт — родственник хозяев дома... Ведь это уже никогда не вычеркнешь из истории нашей литературы!

А вековые деревья в Милютинском переулке, которые в двух сохранившихся домах, может помнят и рождение, и фактическую смерть великого Серебряного века? В одном из них родился первый символист Валерий Брюсов, а в другом — напротив! — жили в 1930-х и были арестованы чекисты Ягода, Ежов и главный палач наших знаменитых поэтов и писателей Яков Агранов. А дом, где жила Нина Заречная, то есть, простите, Лика Мизинова, героиня чеховской «Чайки»? А двор, в который выбросился с 7-го этажа друг Мандельштама, великий чтец, автор жанра «Театр одного актёра» Владимир Яхонтов? А комната в Трубниковском, где ради любви Пастернак выпил залпом флакон йода и его отпаивала молоком его будущая и последняя жена Зинаида — эпизод, который почти целиком войдет

в его закатный роман «Доктор Живаго»? Ведь эти дома живы, и к ним также можно, пробегая мимо, прикоснуться помнящей ладоною. Тут литература как бы облачилась когда-то в камень, а камень памятных зданий невольно превращается для нас в Литературу с большой буквы...

Все эти адреса — и еще, как я сказал уже, свыше восьми тысяч других, — которые я «собираю» едва ли не всю жизнь, перечислены мной с минимальным комментарием во втором томе моего Атласа «Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8 тысяч адресов писателей, поэтов и критиков (XVII–XXI вв.)». Кстати, само слово «Атлас» в применении к градоведению не моя придумка (см., например, «Атлас Н.Цылова», выпущенный в 1849 г., или «Атлас Москвы» Хотева, опубликованный в 1852 г). Но в первом томе этого издания, в книге, которую вы держите в руках, рассказано лишь о трех сотнях их, не только наиболее интересных, но и сохранившихся до наших дней, тех, кои я, специально для почитателей Литературы, выбрал лишь внутри Садового кольца. О многих из них ныне написаны даже книги, не говоря уже об энциклопедиях, специальных исследованиях, справочниках и путеводителях. Именно потому я ограничился здесь лишь коротким своим комментарием: иногда приведением всего лишь цитаты классика «по теме», репликой, когда-то поразившей меня, литературным анекдотом, связанным с этим местом, нечаянной параллелью обитателя дома со знаменитым «литературным ге-

роем» или — знаменательной встречей, ярким событием, неизвестным фактом. Разумеется, это личностный выбор «историй» об истории Литературы. Мои рассказы об упоминаемых здесь домах — это то, что в свое время поразило лично меня, что изменило или, напротив, утвердило меня во мнении о том или ином литераторе, что заставило ворошить первоисточники и погружаться в труды исследователей. В каких-то заметках о том или ином эпизоде из жизни московских домов знакомство с моими текстами потребует и от читателя известной осведомленности, но в одном вы можете быть уверены — всё приведенное здесь правда. До буквы "Я" — до кирпичика.

Наконец, подспудным желанием, если хотите, целью этого путеводителя было стремление пусть не сейчас, но в обозримом будущем увидеть на стенах этих зданий мемориальные доски многим из их обитателей. Ведь у подъезда одного из домов на Большой Никитской, где в разное время и не зная друг про друга жили в узкой комнатке 1-го этажа великие Цветаева и Ахматова, там, где в любой европейской столице висели бы, как ордена, две мемориальные доски, не висит по сей день ни одной. Ну не стыдно ли нам — потомкам?! А ведь таких домов в столице сотни...

Принципы построения двухтомника Атласа — одинаковы. Переулки, улицы и проспекты расположены здесь в алфавитном порядке и также (для удобства читателей) приведены в современных названиях. А условными сокращениями, выделенными **жирным** шрифтом в двухтомнике, обозначены:

Ж. — в доме жил, жили;

Б. — в доме был (бывали);

В. — в доме выступали (читали стихи, прозу, делали доклады, ставили спектакли).

Строчные буквы (в скобках) подскажут вам, что буква «с» обозначает, что дом сохранился, «с.п». — сохранился, но перестроен, «с.н.» — сохранился, но надстроен, а «н.с.» — не сохранился.

Кроме того, в книге есть два приложения: краткое перечисление адресов литературных музеев, всевозможных мемориальных квартир и домов писателей Москвы (*Приложение № 1*), а также некий «именной список» адресов, по которым в разные годы жили наиболее знаменитые русские писатели, своеобразный персональный «адресатник» Тургенева, Тютчева, Бунина или Гумилева (*Приложение № 2*). Ведь не исключено, что кто-то из читателей, особенно специалистов, захочет просто «пройтись» по адресам любимого Блока или не так давно ушедшей от нас Ахматовой.

Что касается перечня источников сведений, приведенных в книге, то автор решил отказаться от них ввиду их многочисленности. Ибо помимо энциклопедий, указателей «Вся Москва» и справочников Союза писателей (за разные годы) многие приведенные здесь адреса были позаимствованы из десятков путеводителей и сотен биографических книг, записок, мемуаров и опубликованных переписок литераторов за четыре минувших века. Это, в свою очередь (хочу заранее предупредить будущих критиков и «буквалистов!»), не исключает, разумеется, иных фактических ошибок в представленной работе — что, как известно, допускается (иногда до 1 % от общего объема) даже в официальных энциклопедиях и справочниках.

Ну и, наконец, последнее: автор выражает глубокую благодарность всем тем, кто помог ему советом, подсказкой, информацией о том или ином адресе, а также — издательству АСТ, с 2008 г. публикующему мои книги о домах и домочадцах русской литературы в Москве, Петербурге и Париже.

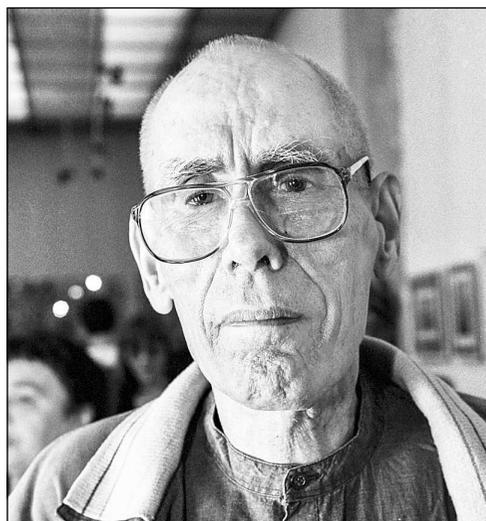

От Ананьевского переуллка до Большого Афанасьевского

1. Ананьевский пер., 4/2, стр. 1 (с.), — Ж. — с 1970-х гг. до 1999 г. — поэт и прозаик, участник литературной «Лианозовской группы» **Игорь Сергеевич Холин.**

Есть такой витамин — холин, знаете вы об этом? Он полезен для нервной системы и, вообразите, — «улучшает память». И есть, вернее уже был, ибо скончался в этом доме, поэт Игорь Холин, один из основателей «барачной» (от слова — «барак») поэзии и родоначальник андеграундной поэзии, которая ныне стала и уже останется навсегда — очень даже «граундной», то есть по-простому — «земной». Игорь Холин — «длинный очкарик, — как запомнился друзьям, — с перчатками и в зеленой шляпе, и с восторженной чувихой рядом...». Шутка ли, лично вылил вино на лысую голову всесильного тогда Никиты Хрущева...

Кого только не было рядом с Холиным, ведь его после фронта (он закончил войну в Праге, в звании капитана и с орденом Красной Звезды) сопровождали друзья и коллеги «по жанру», широко известные ныне Евгений Кропивницкий, Генрих Сапгир, Эдуард Лимонов, Ян Сатуновский, Всеволод Некрасов, Вагрич

Поэт и прозаик Игорь Холин

Бахчанян и, конечно, художники — Оскар Рабин, Эрнст Неизвестный, Владимир Немухин, Николай Вечтомов. И, возможно, еще на **ул. Мельникова, 2**, или на **Чистопрудном, 1**, где он жил до 1967 г., к нему заходили его знакомые: Илья Эренбург, Леонид Мартынов, Борис Слуцкий, Илья Сельвинский, потом Глеб Горбовский, Варлам Шаламов, Николай Глазков, Иосиф Бродский, Игорь Губерман и «румяный мальчик», студент журфака Александр Гинзбург, впервые напечатавший в 1959-м

в самиздатовском альманахе «Синтаксис» стихи Холина. А еще раньше — бывал даже Назым Хикмет. Турок, как вспоминал Холин, еще в 1956-м «уверял нас, что через десять лет... все будет совершенно по-другому, всех будут печатать и не надо будет писать "черные стихи". Он даже мне книжку свою подарил и нарисовал там лампочку, чтобы я, дескать, писал "посветлее"...» Но куда там, стихи, как и жизнь, рождались у Холина в Лианозове, в гнезде непокорных, «ужаленных войной и лагерями», одно мрачнее другого: «Это было дело в мае, во втором бараке Рая удушилась в сарае...» А из «веселого» — разве что это: «Сегодня суббота, сегодня зарплата, сегодня напьются в бараках ребята...»

Легендарная «Лианозовская группа», взрывательница «литературных канонов», защитница «маленького человека», говорящая на его языке, про которую ныне написаны книги и монографии, собиралась в «бараке № 2», у поэта и художника Евгения Кропивницкого, неподалеку от станции Лианозово, от которой и получила название. Но некая «тайна» заключается и в том, что еще до образования группы, до встречи с Кропивницким, капитан Холин за пощечину подлецу-сослуживцу попал на два года в лагерь, в зону, которая называлась «Лианозово». Ну разве не перст судьбы?

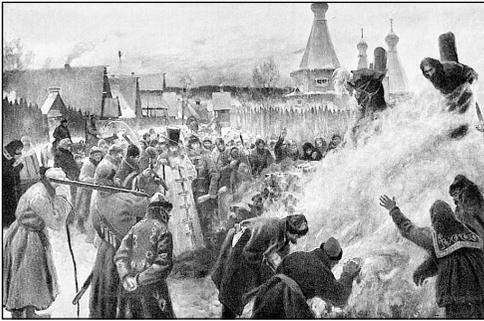
«На жизнь надо смотреть в упор...» — эти слова Генриха Сапгира стали и девизом, и поэтическим лозунгом первых авангардистов в стихах. Надо очистить поэзию, считали они, от эпитетов, сравнений и прочего мусора, «об-

ветшалога груза литературщины». В Лианозове царил, как напишет потом поэт Всеволод Некрасов, «не искусство по знакомству, а знакомство по искусству...».

А здесь, в Ананьевском, Холин уже сам собирал свои сборники стихов, самиздатовские, разумеется. «Жители барака», потом «Космические стихи», а позже книги «Дорога Ворг» и «Воинрид». Здесь же писал роман «Кошки-мышки». Но мало кто знает, что, по совету Сапгира, он стал писать и стихи для детей, и первый сборник их, «Месяц за месяцем», вышел в 1960-м в издательстве «Малыш». Более того, одно из стихотворений его угодило даже в «Букварь». Вот такой вот «барачный поэт». Неисповедимы пути поэтов. Но официально Холина напечатают только в 1989-м.

А что Хрущев? — спросите вы. Так вот, одно время Холин пристроился официантом в «Метрополь» и обслуживал порой «кремлевских бонз» на приемах в Кремле. И однажды, как вспоминал, «пролил несколько капель вина из бокала» прямо на лысину вождя. «И что же?» — изумился корреспондент. «Да ничего особенного, — ответил поэт. — Поморщился, но даже ничего не сказал...»

Нет, Холин не только поэт и человек. Для нас он еще и «витамин», укрепляющий нашу память о прошлом. Необходимый и нынешней русской поэзии. Кстати, его дочь Арина, которую он в этом доме воспитал один (мать умерла при родах), ныне модный прозаик и, как отец, пишет, бросает «вызов привычным общественным стандартам».

«Сожжение протопопа Аввакума» (1897)
П.Е. Мясоедов

2. Андроньевская пл., 10 (с. частично), — Спасо-Андроников монастырь (1357). Назван по имени первого игумена Андроника, ученика Сергия Радонежского. Здесь в августе 1653 г. содержался под стражей («посажен на цепь») до высылки в Тобольск 33-летний протопоп, один из основателей старообрядчества и первый прозаик Руси **Аввакум** (Аввакум Петрович).

« Долго ли муки сея, протопоп, будет? — спросила мужа, протопопа Аввакума, Марковна, его жена. И он, как гласит написанное им «Житие протопопа Аввакума», ответил: "До самыя до смерти!"

А еще, как завещание всем пишущим, писал: «Не задумывайся, не размышляй много, пойдй в огонь. — Бог благословит. Добро те делали, кои в огонь забежали... Вечная им память...»

Смерть первого из известных нам русских прозаиков и была такой — огненной, страшной. В чем-то символичной для 400-летней истории русской литературы. Аввакум по царскому указу в 1682 г. был сожжен «за великия на царский двор хулы».

Увы, мы мало знаем о реальной жизни протопопа. Пишут, что родился «в семье запойного пьяницы "прилежаще пития хмельнова"». Отец был сельским попом, но «любовь пображничать рано свела его в могилу». А матушка Аввакума, напротив, отличалась благочестием и кончила жизнь монахиней. «Ее подвиги, — утверждает энциклопедия Гранат, — с детства запали в душу сына и развивали в нем отвращение от мира, наклонность к аскетизму, к умерщвлению плоти».

«Ребенок обладал огромной жизнестойкостью, феноменальной памятью, повышенной чувствительностью и впечатлительностью, — пишет И. Гарин, современный биограф писателя. — В двадцать один год он уже стал дьяконом, но за строптивость и нетерпимость был изгнан из родного села». Потом стал протопопом в Юрьевце Поволожском, где истово молился и изучал Священное Писание и был, как пишут, беспощаден к «своему духовному стаду» — сажал людей на цепь, морил голодом, бил палками, пытаясь исправить человеческую природу. Терпели его два месяца всего, после чего полуторатысячная толпа попов, мужиков и баб «вломилась в приказную избу и заставила его, бросив семью, бежать в Москву...».

Он, конечно, был фанатиком — страстным, непреклонным, воинствующим, но именно это и отличает гениев. Здесь, в Андрониковом монастыре, частично сохранившемся до наших дней, его посадили на цепь, и, после многих унижений и надругательств, он был в присутствии царя и патриарха приговорен

к ссылке в Тобольск. От голода и нужды погибли два сына протопopa, и два раза Аввакума возвращали из ссылки, но склонить его к примирению властям так и не удалось. Он верил в свои видения, в чудеса, в «изгнание бесов», кричал, что этим «подкрепляется дело Божие», хотя, возможно, они и были результатами его галлюцинаций от аскетизма и нервной, на грани жизни его, борьбы с врагами.

В 1667 г. протопop был в очередной раз осужден, лишен сана, предан проклятию и сослан в Пустозёрск, где 15 лет провел в земляной тюрьме-срубе, где написал свое «Житие» и другие произведения. А в 1682 г. был сожжен, погиб на костре. Но история навсегда запомнила его и как блестящего проповедника, и как страстного оратора и, главное, как писателя — одного из основателей русской литературы.

Что же касается монастыря, где ныне музей, то после революции 1917 г. здесь, на его территории, до 1922 г. существовал один из первых концлагерей ВЧК, где проводились массовые расстрелы как раз тех, кто думал, сомневался, противился и проповедовал, кто боролся всего лишь за свои убеждения, за мысли и слова.

Символично!

3. Арбат ул., 2 (с.п.), — доходный дом В.Т. Фирсановой, с 1898 г. ресторан купца П.С. Тарарыкина «Прага», перестроен в 1902 г. (арх. Л.Н. Кекушев, а затем — А.Э. Эрихсон).

Не кривитесь иронично: рес-то-ран! Это одно из самых знаменитых зданий по числу бывавших здесь известных в истории России

Ресторан «Прага» (Арбат, 2 / 1)

людей. А если говорить о литераторах, поэтах и писателях, то здесь, в «Праге», перебивала едва ли не вся литература XX в. Перечислять почти бесполезно, но в разные годы здесь бывали Блок, Бальмонт, Брюсов, Андрей Белый, Ходасевич, Цветаева, Ахматова, Маяковский (написавший стихотворную рекламу «Праге»), а также — Булгаков, Платонов, Шкловский, Эренбург, Фадеев, Пильняк, Олеша, Катаев, Гроссман, Симонов и многие, многие другие. Наконец, здесь московские писатели торжественно приветствовали французского поэта и драматурга Эмиля Верхарна.

Но особо хотелось бы сказать о трех-четырёх фактах, связанных с этим местом. Во-первых, здесь в 1901 г. мхатовцы чествовали Антона Чехова по случаю постановки пьесы «Чайка». Во-вторых, тут в августе 1906 г. буквально в пять минут окончательно рассорились старые друзья Александр Блок и Андрей Белый — из-за третьей участницы встречи, жены Блока — Любови Дмитриевны.

Официант, пишут, успел в тот день разлить им по бокалам токайское, но к вину никто даже не прикоснулся — все трое вскочили

и у выхода возмущенно разбежались в разные стороны. Речь за столиком сразу зашла о том, что Люба, опомнившись от затянувшегося «романа» с Белым, с первой минуты, еще приветливо улыбаясь, предложила ему «угомониться» и не приезжать больше в Петербург. Андрей Белый (они его со дня знакомства звали, конечно же, по его настоящему имени — Борей), который шел сюда уверенный в «полной сдаче позиций» Блоками, который надеялся «спасти», наконец, Любу от ее мужа, при этих словах вскочил: «Нам говорить больше не о чем — до Петербурга, до скорого свидания там».

«Нет, решительно: вы — не приедете», — крикнула Люба. — «Я приеду». — «Нет». — «Да». — «Нет». — «Прощайте»... Вот и весь разговор.

Белый запомнит, что на белой мраморной лестнице он, обернувшись, прочел в глазах Любы ужас, «словно у него в кармане был револьвер...». До револьвера, к счастью, дело не дойдет, но замечу: на другой день он пошлет Блоку вызов на дуэль... Дуэль не состоится, но разве это не громкое «литературное событие», связанное с этим домом?

Здесь же, в ресторане, но через шесть лет, уже в 1912 г., праздновала свою свадьбу с Борисом Трухачёвым восемнадцатилетняя поэтесса и прозаик Анастасия Цветаева, сестра Марины Цветаевой. Помним ли мы, что девятнадцатилетний жених ее лихо подъехал к ресторану (что было сверхэпатажно тогда!) на... мотоцикле, кстати, подаренном ему накануне как раз Асей?

А шафером на их свадьбе был друг Трухачёва, Борис Бобылев, влюбленный в Анастасию. Драма, да еще какая, разыгравшаяся здесь. Именно из-за Бориса Бобылева, вскоре покончившего жизнь самоубийством, молодожены переедут в новую квартиру, в дворовый флигель дома, где скоро поселится со своим мужем сестра Аси — Марина (**Борисоглебский пер., 6**) и где ныне музей Цветаевой.

Поэт и переводчик Константин Бальмонт

Наконец, здесь, в 1931 г. Михаил Булгаков ужинал с ленинградской актрисой и прозаиком Екатериной Шереметьевой, которая от имени «Красного театра» Ленинграда, где одновременно работала завлитом, заказала ему пьесу «Адам и Ева». Пьеса была написана в течение месяца, но в «Праге» оба заспорили по поводу модной тогда «женской эмансипации». И вообразите, когда драматург вышел за папиросами, шаловливая и упрямая Катя в доказательство женского «равноправия» расплатилась

за обоюдный ужин. Булгаков, вспоминала, страшно обиделся, он был буквально оскорблен, но так начался между ними легкий флирт. Шереметьева, написавшая об этом в своих воспоминаниях, рассказывала мне в начале 1970-х, что когда они ехали как-то в «Красной стреле» в Ленинград, то Булгаков, пикируясь с ней, вдруг спросил: «А какая вы в постели?»

«И что же вы ответили?» — отбросив деликатность, поинтересовался я. Она засмеялась и сказала: «Ответила в его же духе, смешливо — "Всякая"»

Об этом факте Екатерина Михайловна не написала в мемуарах. Не найдете вы этого доказательства «жуирства» Булгакова и в книгах о нем. Но разве все эти мгновения жизни не интересны нам?

4. Арбат ул., 4 (с.), — дом генерала и просветителя А. Л. Шанявского, мебл. комн. «Гуниб», а затем — гостиница «Столица» (1900-е гг.). Здесь в разное время жили многие литераторы, составившие ныне славу нашей литературы. Здесь жил, в зените своей славы, поэт и переводчик **Константин Дмитриевич Бальмонт**, поэт и прозаик **Иван Алексеевич Бунин**, художник, сценограф, график **Николай Николаевич Сапунов** и многие другие.

Иван Бунин останавливался здесь в начале 1890-х, ибо не жил, а пока наезжал в Москву. Позже будет жить в Первопрестольной, по моим подсчетам, в десяти домах (см. Приложение № 2). Но отчего в гостинице «Столица» (а она располагалась на 2-м этаже этого дома) поселился в 1901-м давний москвич Бальмонт? Так вот,

«Жить, как все...» — один из принципов Льва Толстого

как гласят воспоминания, поэт прятался здесь от властей, точнее — от полиции.

Дело в том, что после знаменитого разгона революционной демонстрации в Петербурге у Казанского собора Бальмонт 14 марта 1901 г. на благотворительном петербургском вечере прочел «бунтарское» стихотворение «Маленький султан».

«То было в Турции, где совесть вещь пустая. // Там царствует кулак, нагайка, ятаган, // Два-три нуля, четыре негодя // И глупый маленький султан».

Все поняли тогда: «султан» — это Николай II. Возникло обвинительное «дело» о чтении бесцензурного произведения, которое рассматривалось в Особом совеща-

нии департамента полиции. А поэт, не дожидаясь обыска в своей петербургской квартире, тайно сбежал в Москву, где и попытался спрятаться в гостинице. Увы, его нашли и здесь и 20 мая постановили: выслать поэта из двух столиц с запретом жить даже в университетских городах. Поэт решил укрыться в курском имении Сабашниковых, потом — в эмиграции. Но удивительно другое: друзья, литераторы Москвы, несмотря на запреты и слежку, устроят ему пышные проводы, как раз рядом — в ресторане «Прага».

Наконец, в этом же доме (стр. 1) жил в 1900-е гг. поэт-символист, критик, издатель и мемуарист **Сергей Алексеевич Соколов** (Сергей Кречетов). Позднее, после революции 1917 г., здесь жил также прозаик, литературовед, фольклорист **Сергей Константинович Шамбинаго** и его жена — **Татьяна Алексеевна Шамбинаго-Василенко** (урожд. Шевалдышева), в семье которых с 1929 г. неоднократно бывал писатель М. А. Булгаков. А в 1950-е гг. в этом доме проживала поэтесса Мария Алексеевна Муромцева.

5. Арбат ул., 9 (с.), — Ж. — в 1870–80-е гг., в дворовом строении дома — мемуаристка, литератор, племянница Льва Толстого **Елизавета Валерьевна Оболенская**. Сюда писатель часто заходил, оставался обедать, беседовать. Однажды Оболенская обронила здесь поговорку: «В здоровом теле — здоровый дух». Писатель нахмурился: «Я не люблю эту поговорку,

— сказал. — В здоровом теле редко бывает здоровый дух. Чем здоровее тело, тем меньше духовной жизни...» И ведь граф, думается, не шутил...

Что касается «духов», то Толстой, возможно, и рассказывал здесь историю, которая с ним приключилась в молодости. Он записал ее. Как однажды, в юности, он почти умирал от болезни. И ночью в больнице к нему пришла какая-то старушка. Положила руку на лоб и сказала, что умирать ему еще рано: «Ты поживи! Тебе еще предстоит стать знаменитым писателем!» Утром он стал расспрашивать врачей про нее, описал ее внешность, одежду. Оказалось, пишут, эта пожилая женщина умерла неделю назад на той же койке, на которой лежал тяжелобольной будущий писатель. Такая вот история.

Кстати, это заблуждение, что судьба его произведений при жизни была безмятежной и комплиментарной. И я имею в виду не только статьи Ленина о нем. Скажем, Николай Шелгунов назвал «Войну и мир» романом «социально вредным» и пожелал, чтобы имя автора было «вычеркнуто из списков» великих: «Мы не отрицаем в графе Толстом таланта для описания солдатских сцен, — писал он, — но думаем, что мировая философия не его ума дело». А «Анну Каренину» уже Суворин назвал «ароматным представлением царства одеколонов»: «Сам Толстой, — утверждал он, — не далеко ушел от своих героев. В своем новом романе он продолжает

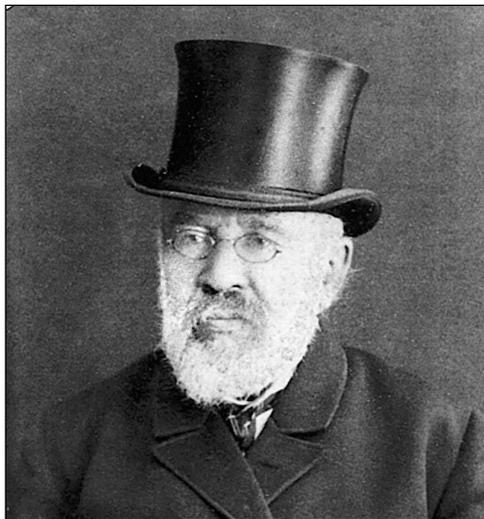
вертеться с любовью все в том же "тюлево-ленто-кружевной" кругу, где обыкновенно говорят всякий вздор». И уж совсем припечатал «Анну Каренину» революционный демократ Ткачев: «Гора родила мышь, — выкрикнул он в вечность, — да и не живую, а мертвую».

Наконец, в этом доме, позже, в 1910-х гг., жил поэт, прозаик, мемуарист, будущий секретарь правления Всероссийского союза писателей (1922–1926) — **Андрей** (наст. имя Юлий) **Михайлович** (Израилевич) **Соболь** (Собель). А в 1920-х гг. в этом доме открылось кафе «Арбатский подвалчик».

В. — с чтением стихов А. Белый (Б. Н. Бугаев), С. А. Есенин, Б. Л. Пастернак, В. В. Маяковский, В. В. Каменский и др. С 1998 г. здесь располагался Культурный центр Украины, библиотека и книжный магазин, ныне упраздненные.

6. Арбат ул., 16/2, стр. 2 (с.), — Ж. — в 1860-е гг. — историк, литературовед, библиограф, пушкинист (наряду с П. В. Анненковым считается основателем пушкинистики), издатель и редактор журнала «Русский архив» (1863), а также мемуарист — **Петр Иванович Бартенев** и его жена — **Софья Даниловна Шпигоцкая**. Здесь собирал свидетельства об А. С. Пушкине, которые стали книгой «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851–1860 годах».

«Жадное любопытство к прошлому — вот что двигало Бартенева всю жизнь, —

*Историк литературы, издатель и редактор
Пётр Бартенев*

вспоминал пушкинист М. Цявловский. — В этом служении (в конечном счете бескорыстном, потому велику ли прибыль имел он от журнала) Бартенев был способен на нечто близкое к героизму. Я разумею факт еще мало известный в печати — предоставление Герцену "Записок Екатерины". Найдя список этих записок в архиве Воронцова, Бартенев привез его к Герцену в Лондон. Замечательно, что эти записки были изданы Герценом с анонимным предисловием, как мне удалось доказать, написанным Бартеневым. Нельзя себе представить впечатление, какое это издание произвело в России, в особенности в семье Романовых, которые были скандализированы уже одним тем, что они оказались Салтыковыми...»

«Я не льстец, я льстивец», — любил говорить о себе Бартенев, часто подчеркивал: